

УДК 340.5

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-10

Сравнительное правоведение в условиях многополярного мира

А. Д. Гуляков¹, А. Ю. Саломатин²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹rector@pnzgu.ru, ²valeriya_zinovev@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Сравнительное правоведение в последние два столетия служит надежным ориентиром для раскрытия правовой реальности. Однако вступление нашей планеты в стадию постмодернизации и глобализации заставляет по-новому взглянуть на предметное поле этой важнейшей дисциплины, а продвижение человечества к многополярному миру побуждает создать новые формы научного международного кооперирования. *Материалы и методы.* Предпринята попытка на основе широкого массива российских и зарубежных работ показать вектор интернационализации компаративистских изысканий. Используются сравнительно-диахронный и сравнительно-синхронный анализ для демонстрации успехов и особенностей развития сравнительного правоведения в разных странах и в разные исторические эпохи. Изложение материала сопровождается публикацией оригинальных схем. *Результаты.* Авторы отмечают, что становление сравнительного правоведения приходится на первую треть XIX в., закономерно совпадая с модернизационным стартом в наиболее продвинутых государствах мира. Не случайно также, что пионером в распространении новой науки становится Германия как страна, объективно наиболее нуждавшаяся в тот момент в изучении зарубежного правового опыта. Констатируется, что со второй половины XIX в. появляется инфраструктура новой дисциплины в виде научных обществ и многочисленных журналов, а с начала XX в. предпринимаются шаги по целенаправленной интернационализации научного поиска: проводятся международные конгрессы в Париже (1900 г.), Сент-Луисе (1904 г.), организуется Международная академия сравнительного права в 1924 г. Во второй половине XX в. проводятся первые международные проекты и регулярные международные мероприятия. *Выводы.* Эпоха постмодернизации и глобализации не могла не стимулировать расширения предметного поля сравнительного правоведения и дополнения его инструментария за счет сравнительно-государствоведческого и сравнительно-политологического анализа. Ведь изучение зарубежного законодательного опыта должно сопровождаться исследованиями возможностей и целесообразности его применения в условиях конкретной государственной и политической систем. Формирование многополярного мира требует также более реалистичного подхода к юридической географии, в рамках которой четко просматривается деление на западное и не западное право, а Россию следует рассматривать как вполне самостоятельную величину, не относящуюся к романо-германской правовой семье. Наконец, для оптимального изучения этого же многополярного мира требуется создание регионально-континентальных исследовательских структур – например, Евразийской ассоциации сравнительного права.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, интернационализация сравнительно-правовых исследований, Международная академия сравнительного права, сравнительно-государствоведческий анализ, сравнительно-политический анализ, юридическая география, многополярный мир

© Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Сравнительное правоведение в условиях многополярного мира // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 124–135. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-10

Comparative law in a multipolar world

A.D. Gulyakov¹, A.Yu. Salomatin²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹rector@pnzgu.ru, ²valeriya_zinovev@mail.ru

Abstract. *Background.* Comparative law has served as a reliable reference point for disclosing legal reality in the last two centuries. However, the entry of our Planet into the stages of postmodernization and globalization forces us to take a fresh look at the subject field of this most important discipline, and the advancement of humanity towards a multipolar world encourages the creation of new forms of scientific international cooperation. *Materials and methods.* The article attempts to show the vector of internationalization of comparative research based on a wide array of Russian and foreign works. Comparative-diachronic and comparative-synchronous analysis are used to demonstrate the successes and features of the development of Comparative Law in different countries and in different historical eras. The presentation of the material is accompanied by the publication of original schemes. *Results.* The authors note that the formation of Comparative Law falls on the first third of the 19th century, naturally coinciding with the start of modernization in the most advanced countries of the world. It is also no coincidence that Germany became a pioneer in the dissemination of the new science as a country that objectively most needed to study foreign legal experience at that time. It is stated that from the second half of the 19th century the infrastructure of the new discipline appeared in the form of scientific societies and numerous journals, and from the beginning of the 20th century efforts were made to purposefully internationalize scientific research: international congresses were held in Paris (1900), St. Louis (1904), the International Academy of Comparative Law (IACL) was organized in 1924. The second half of the 20th century witnessed the first international projects and regular international events. *Conclusions.* The era of postmodernization and globalization could not but stimulate the expansion of the subject field of Comparative Law and the addition of its tools through comparative state and comparative political science analysis. After all, the study of foreign legislative experience should be accompanied by research into the possibilities and feasibility of its application in the context of specific state and political systems. The formation of a multipolar world also requires a more realistic approach to legal geography, within which the division into Western and non-Western law is clearly visible, and Russia should be considered as a completely independent entity that does not belong to the Romano-Germanic legal family. Finally, for the optimal study of this same multipolar world, it is necessary to create regional-continental research structures - for example, the Eurasian Association of Comparative Law.

Keywords: comparative law, internationalization of comparative legal studies, International Academy of Comparative Law, comparative political analysis, comparative political analysis, legal geography, multipolar world

For citation: Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. Comparative law in a multipolar world. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):124–135. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-10

Большинство гуманитарных да и естественно-научных дисциплин тоже в своем развитии не могут не испытывать влияния множества внешних факторов – социально-экономических, технологических, международных и внутриполитических, культурно-идеологических. Сравнительное правоведение находится в числе подобных дисциплин. Само зарождение этой дисциплины связано с началом эпохи модернизации в первой трети XIX в.: осовременивание тогда коснулось всех сфер общественной жизни, включая материальное производство, сферу государственного управления и политики, даже связи между странами и людьми. Было бы неправильно сводить появление и развитие той или иной отрасли или направления знаний только к философским или идеологическим истокам [1, с. 12]. Во-первых, как нам представляется, необходимо различать предпосылки и причины как явления с различным горизонтом и способами влияния. Во-вторых, идеологический фон следует все же вписывать в последние, а не в первые, т.е. в причины, а не в предпосылки (рис. 1).

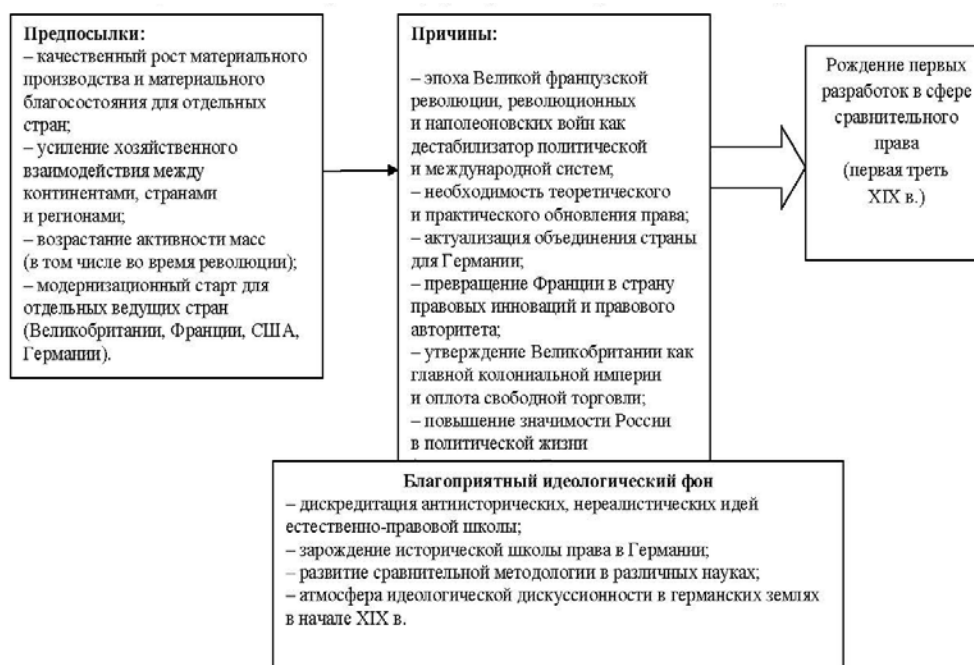


Рис. 1. Предпосылки и причины формирования сравнительного правоведения

Вполне объяснимо, что первичный интерес к зарубежному праву возникает далеко не в самой передовой в общественном и правовом отношении стране, а там, где более всего нуждаются в познании иностранного опыта. Германия, будучи территориально и идеологически разделенной, продуцировала юридические споры об уместности правовых заимствований, это давало импульс к выходу как индивидуальных научных работ (Ансельм фон Фейербах, Эдвард Ганс), так и новаторского научного периодического издания –

«Критического журнала юридической науки и зарубежного законодательства» (редакторы – Карл Миттермайер и Карл Цахарие).

Во Франции, где первоначально преобладало чувство правового превосходства из-за многочисленных заимствований Гражданского Кодекса Наполеона другими странами, все же с началом «революции коммуникаций» в 1830-е гг. просыпается заинтересованность в зарубежном законодательстве, первопроходцем в изучении которого становится популярный лектор-либерал Жан Эжен Лерминье. В то же время в Великобритании первые шаги в направлении сравнений в праве объясняются сугубо прагматическими побуждениями тщательно изучить зарубежное торговое право для главной колониальной и промышленной державы мира. Труды У. Берга «Комментарии к колониальным и иностранным законам» (1838) и А. Леви «Международное торговое право» оказались крайне полезны для британских предпринимателей.

Так или иначе, но за этапом первичных усилий одиночек в первой половине XIX в. следует становление инфраструктуры новой научной дисциплины во второй половине XIX столетия с научными обществами и множеством журналов, а популярность данной науки уже не ограничивается рамками трех или чуть более стран. Причем происходящая интернационализация нового научного направления закономерна: ведь мир после анклавно-отраслевого промышленного переворота (1780–1860-е гг.) переходит к всеотраслевой, географически расширяющейся индустриализации. На фоне укрепившихся коммуникаций начинается борьба за колониальный передел мира, которому некоторые идеалистически настроенные правоведы пытаются противопоставить международное правовое сотрудничество. В этой связи объяснимо проведение в 1900 г. Международного конгресса сравнительного права в Париже. На нем один из его организаторов – французский профессор Эдуард Ламбер – в своем основополагающем докладе отметил целесообразность сравнения только близких по духу правовых систем – например, французской и германской, но никак не исламской или славянской [2, с. 217–219]. Он же и его французские коллеги выдвигали амбициозную цель создания в обозримом будущем «всемирного права», к чему английские и американские гости относились скептически.

По более адекватной траектории научной интернационализации проходил Международный конгресс в Сент-Луисе (США) в 1904 г. Он собрал не только и не столько университетскую профессуру, сколько судей-практиков, которые поставили перед собой вполне земные, а не выдуманные вопросы:

- 1) оптимальный метод регулирования в гражданском судопроизводстве;
- 2) обзор деятельности четырех Гаагских конференций по международному частному праву;
- 3) степень признания национальными судами позиций зарубежных судов. В конференции приняли участие представители 14 стран, в том числе 9 – европейских.

Академическая община США отправила на мероприятие 40 профессоров из 30 университетов [3, р. 595–596].

И все же не США, а Европа (и прежде всего Франция) была в авангарде развития сравнительного правоведения в первой половине XX в. Именно европейские компаративисты сыграли ключевую роль в организации устойчивого и солидарного научного сообщества – Международной академии сравнительного права (МАСП) в 1924 г. Ее отцами-основателями выступили специалисты в области международного частного права – профессор Парижского и Дижонского университетов, судья Постоянного суда международного правосудия Андре Вейсс, профессор Парижского университета Энри Леви-Ульман и профессор Каунасского университета (родом из Венгрии), знаток римского права Элемер Балог, родившийся в Австро-Венгрии.

Первоначально в составе МАСП было только 30 членов (из них 7 – французы, 5 – американцы, 4 – итальянцы, 2 – немцы), которые оказались распределены по 4 территориальным группам (латинских, англо-американских стран, государств Центральной и Северной Европы, восточных и колониальных стран) [4, р. 2–6]. Реагируя на критику кастовости и узости своего состава, Академия расширяет свою деятельность и в 1932, 1937 гг. проводит свои первые два международных конгресса.

После Второй мировой войны практика проведения конгрессов становится регулярной с интервалом в четыре года. Кроме того, начинают выполняться международные проекты. Например, под руководством Рудольфа Шлезингера из Корнельского университета была изучена правовая регламентация заключения договоров в 10 странах мира, что заняло два объемных [5, с. 97–98].

Эпохи постмодернизации и глобализации, стартовавшие в последние десятилетия XX в., поставили вопрос о расширении предметного поля сравнительного правоведения. В силу особой сложности современных управленческих процессов оно должно сопровождаться сравнительно-государствоведческим и сравнительно-политологическим анализом [6, с. 1025–1026]. Ведь издание того или иного акта не является случайностью или капризом законодателя: оно может и должно быть объяснено потребностями государственной жизни, взаимодействием политических сил. Прежде чем прийти к выводу о желательности или нежелательности правового заимствования, требуется проанализировать государствоведческую и политологическую природу рассматриваемого зарубежного правового явления, просчитать последствия его переноса в отечественные государственную и политическую системы (рис. 2).

Как мы могли убедиться, прогресс сравнительного правоведения был связан с его постоянно возрастающей интернационализацией. Однако конфигурация и интенсивность этой интернационализации может быть различна для нашего цивилизованного мира, чьи контакты долгое время ограничивались международной торговлей.

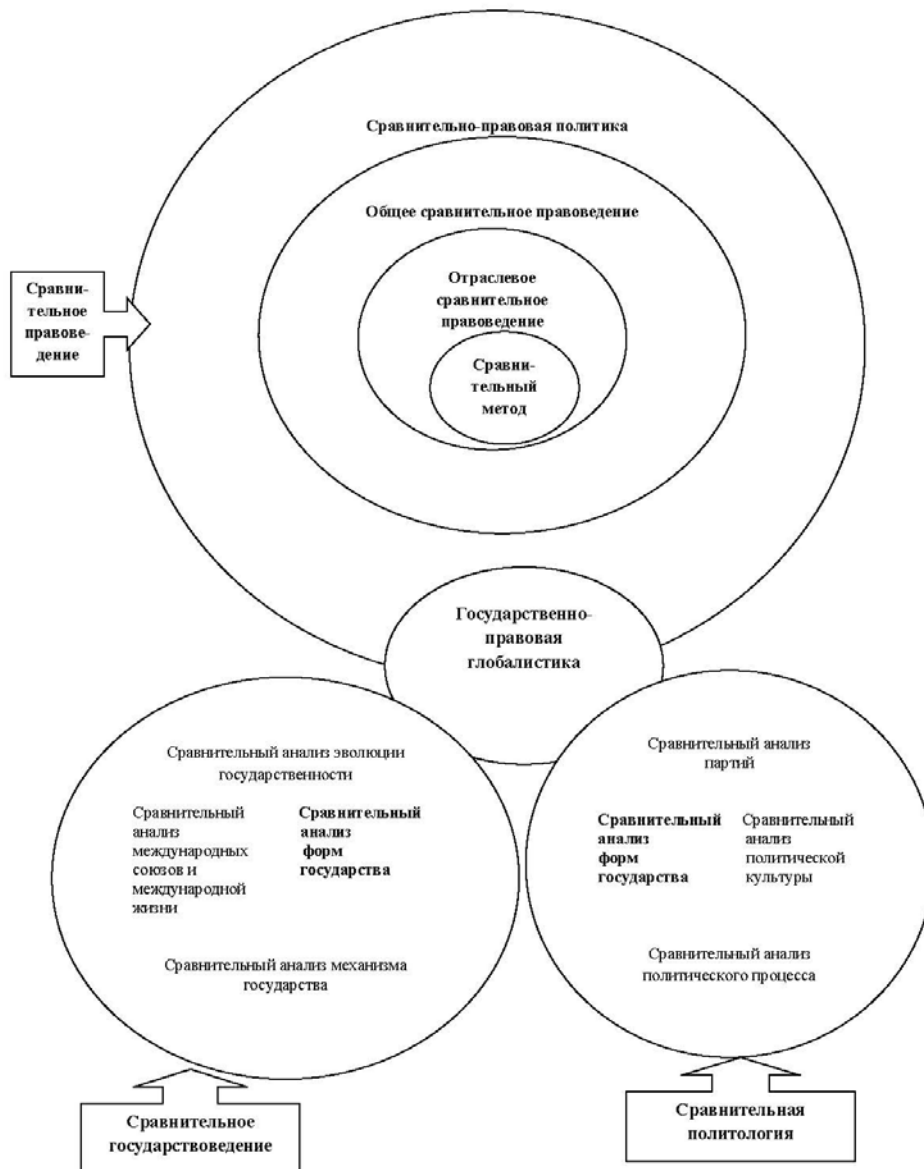


Рис. 2. Сравнительное правоведение как комплексная мегадисциплина в условиях глобализации

С XVI в. начинается этап колониционной интернационализации. Затем, с XX столетия, в интернационализации усиливается элемент производственной кооперации. Транснациональные корпорации создают свои филиалы в различных странах. А с последних десятилетий XX в. мы все ощущаем последствия глобализации, т.е. невиданного сближения стран и народов не только в сфере производства, но и быта, общественного сознания. Компьютерные и интернет-коммуникации делают нас свидетелями событий, происходящих в самых дальних уголках земного шара. Мы оказываемся уязвимы перед информационным давлением.

В то же время глобализация не может быть бесконфликтной. Она порождает наиболее острые противоречия между странами и континентами, тем самым подрывая идею глобального лидерства. Логикой беспрецедентного сближения стран и народов в материальном и культурно-бытовом отношении государства-гегемоны утрачивают свою легитимность лидерства, сокращаются их материальные возможности для его поддержания. В силу неравномерности развития возвышаются новые центры влияния, причем не один, а несколько. Так возникает многополярный мир.

Разумеется, не следует испытывать иллюзии, что нарождающаяся многоцентровая структура будет исключительно радужной и бесконфликтной. Складывающаяся общепланетарная геополитическая конфигурация во многом напоминают неустойчивую многополярность с усиливающейся регионализацией. «Могут возникать условия, когда потенциальным “полюсам” или авторитетным глобальным государствам будет не до глобальных дел и многие из них не будут в состоянии эффективно продвигать принцип многосторонности. “Полюса” могут перестать быть привлекательными для подражания моделями развития соседних стран, да и сами не будут заинтересованы в решении проблем соседей» [7].

И в самом деле мы все же точно не знаем, сколько центров образуется в конечном счете. Какой будет судьба гегемона-США? Сумеет ли этот гегемон найти для себя дополнительные источники усиления (например, в бассейне Тихого океана), сохранит ли внутривосточное равновесие, избежав гражданской войны, или падет жертвой собственных внешнеполитических авантур? Во всяком случае геополитическая архитектура современного мира меняется на наших глазах. И данная ситуация требует новых подходов как в изучении государственно-правовой жизни в целом, так и в сравнительных исследованиях.

Закономерно, что анализ этого нового мира должен происходить не из одной точки, а из нескольких межрегиональных центров, т.е. не «сверху», а «снизу». МАСП уже сейчас жалуется на «недопредоставленность» не европейского пространства. Если ее члены из стран Европы при удельном весе населения земного шара в 9,26 % составляют 57,3 % состава Академии, а на страны Северной Америки (7,6 % населения планеты) приходится 17,6 % членов, то для Азии, Центральной и Южной Америки, Австралии и Океании, Африки соотношение цифр следующее: 61,56 и 12,3 %; 5,33 и 6,5 %; 0,58 и 3,8 %; 18,68 и 2,5 %.

Но очень важно и другое – отсутствие на нашей планете цивилизационно-правового единства. Принимая это, различные авторы начиная со второй половины XIX в. стремились придумать свои оригинальные классификации правовых систем, сгруппировав их по правовым семьям, правовым стилям, правовым кругам, правовым порядкам, правовым культурам [8, р. 41–42]. Э. Глассон выдвигал в качестве главного критерия близость правовой системы к римскому праву, что приводило, например, к тому, что российской пра-

во и совершенно чуждое ему британское право попадали в одну типологическую группу. Или Э. Леви-Ульман сводил все характеристики к источникам права, объединяя юридическую карту мира тремя позициями: континентальной, англо-саксонской, исламской семьями. Дж. Вигмор, видимо, следовал за цивилизациями прошлого и настоящего, и он упоминал о 16 правовых системах, т.е. семьях в правильном понимании [9, с. 240–241]. Как нам представляется, наиболее оптимальную среди западных авторов классификацию дал К. Цвайгерт, сформулировав понятие «правовой стиль» и обнаружив в современном мире 8 правовых стилей (семей) [10, с. 107–108, 117].

Однако немецкий компаративист не противопоставил четко западное право незападному, что методологически и цивилизационно является исключительно важным (рис. 3).

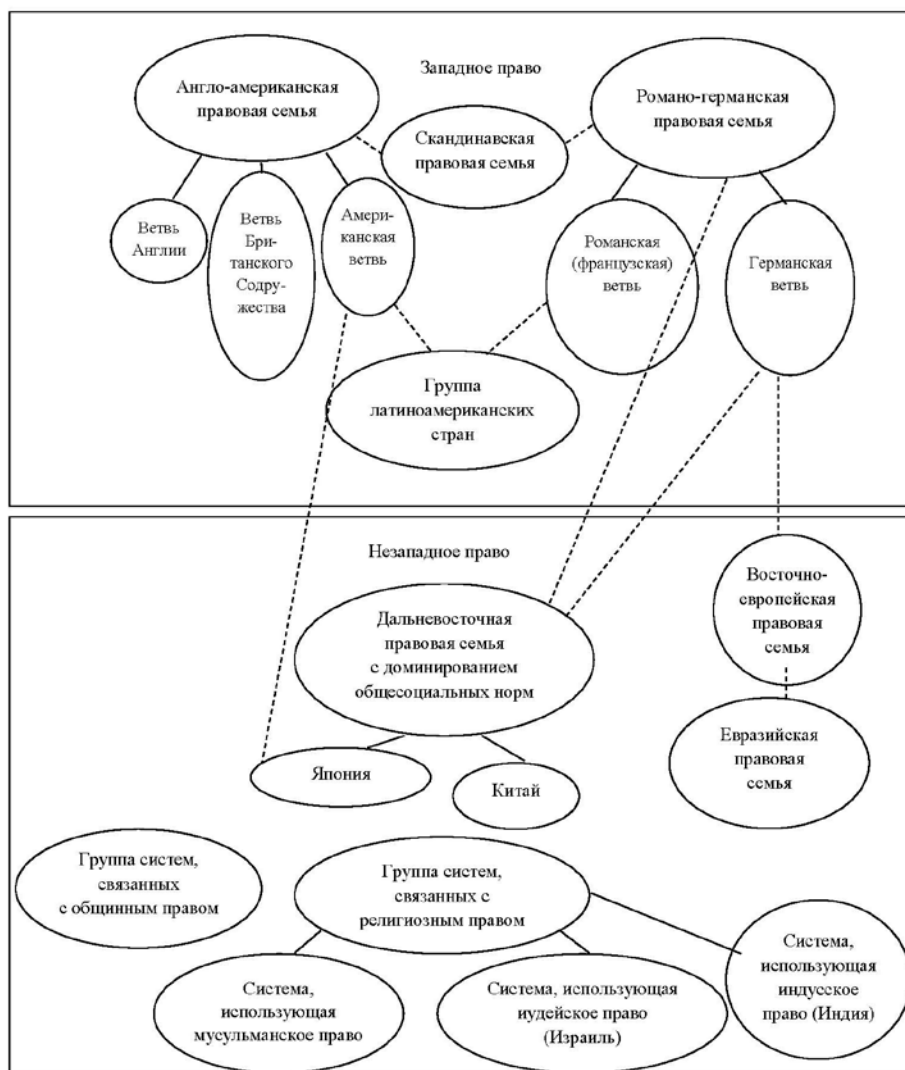


Рис. 3. Классификация правовых систем

Главным критерием для классификации, по нашему мнению, являются особенности правовой культуры и правосознания, а не юридическая техника или правовой материал. Известно, что все, что связано с глубинными процессами в человеческом сознании, меняется значительно медленнее, чем производное от материальной среды (т.е. право). Поэтому даже в условиях глобализации китаец или японец остаются представителями дальневосточных цивилизаций и носителями характеристик дальневосточной правовой семьи, а не новообращенными адептами западноевропейской цивилизации и романо-германского права. От европоцентристских амбиций ученому миру следует давно отказаться в пользу правовой многополярности.

Следует также правильно определить место России на юридической карте мира. Вряд ли ее стоит однозначно приписывать к романо-германской семье, как это делает А. Х. Саидов [9, с. 457, 459]. В России, как справедливо замечают В. В. Бойцова и Л. В. Бойцова, «тенденции роста правовых заимствований и сохранения русских правовых традиций перекрещивались и переплетались самым причудливым образом» [11, с. 135]. Член-корреспондент МАСП, выдающийся российский компаративист Ю. А. Тихомиров справедливо указывал в середине 1990-х гг. на неоднозначность, неопределенность будущего правового развития России. Он тогда писал о трех возможных альтернативах:

- 1) присоединении постсоциалистических стран к романо-германской семье;
- 2) создании общей славянской семьи;
- 3) постепенном формировании «двух-трех правовых семей: прибалтийской с тяготением к северной (скандинавской) правовой семье, славянской правовой семьи в сочетании с азиатско-мусульманской правовой семьей, центрально-европейской с тяготением к романо-германской семье» [12, с. 129].

По нашему мнению, с начала 2000-х гг. обозначилась другая тенденция – медленное формирование **евроазиатской правовой семьи**. Тезис о единстве славянских народов (западных, южных, восточных) является надуманным, а приписывание им каких-либо особых ценностных качеств («христианская вера, духовность, единение, национальное самосознание, прямое народное правление и милосердие») [13, с. 180] отдает идеализмом.

Наше государство свою силу традиционно черпало не в союзах с Западом (в том числе и с западным славянством), а в движении прежде всего на восток. Россия – многоконфессиональная и мультиэтничная евразийская империя, формирующая вокруг себя евразийскую правовую семью на основе определенных духовных констант – приверженности консервативной (анти-западной) православной традиции – коллективизма (соборности) – имперско-евразийского федерализма [14, с. 158].

Именно поэтому, откликаясь на принципиально новую для нашей планеты многополярность, мы и предлагаем дополнить деятельность МАСП изысканиями межгосударственных регионально-континентальных ассоциаций.

Россия могла бы выступить организующим центром **Евразийской ассоциации сравнительного права**, предложив вступить в нее ученых сопредельных, близких по духу и исторической судьбе стран (включая страны ОДКБ, ЕВРАЗЕС, Китай, Индию). В качестве некоторых общих тем можно было предложить вопросы энергетического, иммиграционного права, уголовной правовой политики. Здесь во всяком случае у стран не-Запада больше общего, чем у стран Запада. Первый, организационный, конгресс следовало бы провести в Москве, далее ориентируясь на другие ведущие города Евразии.

Список литературы

1. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Сравнительное правоведение: прошлое, настоящее, будущее : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2024. URL: <http://elib.pnzu.ru/library/1732013293>
2. Ламбер Э. Метод сравнительного права (материалы доклада на первом конгрессе по Сравнительному праву 1900 г.) // Вестник Унивеситета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 216–221.
3. Clark D. S. The Modern Development of American Comparative Law. 1904–1945 // The American Journal of Comparative Law. 2007. Vol. 55, № 4. P. 587–615.
4. Clark D. S. American Participation in the Development of the International Academy of Comparative Law and It's First Two Hague Congress // The American Journal of Comparative Law. 2006. Vol. 54. URL: https://archive.org/stream/sim_american-journal-of-comparative-law_2006_54_index-contents/sim_american-journal-of-comparative-law_2006_54_index-contents_djvu.txt
5. Рейнштейн М. Предмет и задачи сравнительного правоведения // Очерки сравнительного права. М. : Прогресс, 1981. С. 87–103.
6. Саломатин А. Ю. Сравнительная правовая политика как новое направление юридической науки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6. С. 1022–1029.
7. Дмитриченко А. Беспольность как промежуточный этап на пути к многополярности? // Международная жизнь. 2023. № 3. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2794?ysclid=m8yw0nk32c862795083>
8. Luts L. A. Typologies of Modern Legal Systems of the World // Foundations of Comparative Law. Methods and Typologies / ed. by W. E. Butler, B. V. Kresin and Iu. S. Shenshuchenko. London : Wildy, Simmonds and Hill Publishing, 2011. URL: <https://searchworks.stanford.edu/view/9153948>
9. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современного мира) : учебник / отв. ред. В. А. Туманова. 2-е изд., доп и перераб. М. : Юристъ, 2007. 510 с.
10. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. 1. Основы : пер. с нем. М. : Международные отношения, 2000. 480 с.
11. Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Исторические традиции российской школы сравнительного права // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 131–141.
12. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М. : Норма, 1996. 432 с.
13. Сравнительное правоведение. Национальные правовые системы : в 2 т. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы / под ред. В. И. Лафистского. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : Контракт, 2012. 528 с.

14. Саломатин А. Ю. Духовная сила российской имперской государственности : монография. М. : РИОР, 2024. 173 с.

References

1. Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. *Sravnitel'noe pravovedenie: proshloe, nastoyashchee, budushchee: monografiya = Comparative law: past, present, future: monograph*. Penza: Izd-vo PGU, 2024. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.pnzgu.ru/library/1732013293>
2. Lamber E. The method of comparative law (Proceedings of the Report at the First Congress on comparative law, 1900). *Vestnik Univetsiteta imeni O.E. Kutafina = Bulletin of University named after O.E. Kutafin*. 2018;(5):216–221. (In Russ.)
3. Clark D.S. The Modern Development of American Comparative Law. 1904–1945. *The American Journal of Comparative Law*. 2007;55(4):587–615.
4. Clark D.S. American Participation in the Development of the International Academy of Comparative Law and It's First Two Hague Congress. *The American Journal of Comparative Law*. 2006;54. Available at: https://archive.org/stream/sim_american-journal-of-comparative-law_2006_54_index-contents/sim_american-journal-of-comparative-law_2006_54_index-contents_djvu.txt
5. Reynstayn M. The subject and objectives of comparative law. *Ocherki sravnitel'nogo prava = Essays on comparative law*. Moscow: Progress, 1981:87–103. (In Russ.)
6. Salomatin A.Yu. Comparative legal policy as a new direction of yoga-digic science. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*. 2013;(6):1022–1029. (In Russ.)
7. Dmitrichenko A. Non-polarity as an intermediate stage on the way to multipolarity? *Mezhdunarodnaya zhizn' = International life*. 2023;(3). (In Russ.). Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2794?ysclid=m8yw0nk32c862795083>
8. Luts L.A. Typologies of Modern Legal Systems of the World. *Foundations of Comparative Law. Methods and Typologies*. London: Wildy, Simmonds and Hill Publishing, 2011. Available at: <https://searchworks.stanford.edu/view/9153948>
9. Saidov A.Kh. *Sravnitel'noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennogo mira): uchebnik. 2-e izd., dop i pererab. = Comparative law (the main legal systems of the modern world): textbook. The 2nd edition, revised and supplemented*. Moscow: Yurist", 2007:510. (In Russ.)
10. Tsvaygert K., Ketts Kh. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 1. Osnovy: per. s nem. = Introduction to comparative law in the field of private law: in 2 volumes. Volume 1. Basics: translated from German*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2000:480. (In Russ.)
11. Boytsova V.V., Boytsova L.V. Historical traditions of the Russian school of comparative law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian law*. 2003;(7):131–141. (In Russ.)
12. Tikhomirov Yu.A. *Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya = Course of comparative law*. Moscow: Norma, 1996:432. (In Russ.)
13. Lafistkiy V.I. (ed.) *Sravnitel'noe pravovedenie. Natsional'nye pravovye sistemy: v 2 t. T. 1. Pravovye sistemy Vostochnoy Evropy = Comparative law. National legal systems: in 2 volumes. Volume 1. Legal systems of Eastern Europe*. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: Kontrakt, 2012:528. (In Russ.)

14. Salomatin A.Yu. *Dukhovnaya sila rossiyskoy imperskoy gosudarstvennosti: monografiya* = *The spiritual power of russian imperial statehood: monograph*. Moscow: RIOR, 2024:173. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Дмитриевич Гуляков
доктор юридических наук, ректор,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: rector@pnzgu.ru

Aleksandr D. Gulyakov
Doctor of juridical sciences, rector,
Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

Алексей Юрьевич Саломатин
доктор юридических наук, доктор
исторических наук, профессор,
член-корреспондент Международной
академии сравнительного права (МАСП),
заведующий кафедрой теории
государства и права и политологии,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: valeriya_zinovev@mail.ru

Aleksey Yu. Salomatin
Doctor of juridical sciences, doctor
of historical sciences, professor,
corresponding member of the International
academy of comparative law (IAPL),
head of the sub-department of theory
of state and law and political science,
Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.01.2025

Принята к публикации / Accepted 18.02.2025